Кассандра Лэйтс.

Неизбежность.

Книга 4

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Неизбежность

Кассандра Лэйтс

Неизбежность. Книга 4. Крещендо

«Автор»
2026

Лэйтс К.

Неизбежность. Книга 4. Крещендо / К. Лэйтс — «Автор», 2026 — (Неизбежность)

Меня зовут Диамант. В двадцать один год я стал королём Леброна и Колтрейна. Я привык, что всё имеет цену — и что я всегда могу её заплатить. Женщины, вино, власть. Боль. Всё это было моим. Пока она не приехала в мой лагерь.Сильвана.Она не должна была здесь быть. Я оставил её в безопасном месте, как оставляют драгоценность. Но она приехала — упрямая, с этим взглядом, который говорит: «Я не спрашиваю разрешения».Я привык, что любовь — это петля. Что привязанность — это верёвка на шее. Моя мать доказала это, когда мне было восемь. Я поклялся, что никогда не позволю никому стать моей слабостью.Но эта девятнадцатилетняя девчонка уже ею стала. В книге присутствуют откровенные описания жестких BDSM практик, сцены пыток, сцены группового секса. Пожалуйста, читайте с осторожностью.

© Лэйтс К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Неизбежность. Книга 4. Крещендо

Глава 1

Неизбежность. Книга 4. Крещендо.
Понять это сложно
Нам просто всё можно
Любить это больно
Ты будешь довольна
Omnimar "Садизм"

Глава 1.
Город Из Дыма

«*В нём всегда было это... пламя. Такое, что либо греет, либо сжигает заживо. Третьего не дано*».

Сильвана
1

Дорога до лагеря растягивалась, как признание, которое держишь под языком до последнего. Мы ехали через поля, леса, фермерские угодья и земли лебронского дворянства. Война и разрушение сюда ещё не добрались, и я молилась про себя, чтобы их здесь никогда не было. Где-то впереди, за серой пеленой дождя, угадывался лагерь — невидимый, но ощутимый, как зверь, притаившийся за холмами.

Ночь мы провели на постоялом дворе — в разных комнатах. Я лежала в холодной постели, слушала, как дождь барабанит по крыше, и думала о нём. О том, что он сейчас где-то там, впереди. Злой. Возможно, не спит. Возможно, уже знает, что я еду.

Утром мы снова сели на лошадей и двинулись дальше. Роланд держался чуть впереди, но не настолько, чтобы между нами легло расстояние. Он всегда так делал — не вёл, а сопровождал. Его спина, затянутая в дорожный кожаный доспех, оставалась прямой, но не напряжённой. Он выглядел так, словно мы ехали не на войну, а в отдалённое имение, где подадут слишком много вина и слишком мало правды.

— Расскажи что-нибудь, — попросила я, когда тишина стала плотной, как вода перед грозой. — Только не о войне.

Роланд усмехнулся, не оборачиваясь. Ухмылка у него была ленивая, но не злая — так улыбается человек, который давно перестал бояться чужих мертвецов и собственных воспоминаний.

— О детстве? — уточнил он.

— О нём. Вы ведь росли вместе.

Он молчал, покачиваясь в седле. Пальцы рассеянно перебирали поводья. Наконец заговорил — тем тоном, каким вспоминают чужие грехи, за которые сам же и расплатился.

— Когда Диаманту было лет десять, он решил, что мы должны пройти обряд посвящения в мужчины. Сам придумал. Надо было ночью пробраться в конюшню, стащить у королевского конюха жеребца и проскакать вдоль стены Морвена, не попавшись. Я, конечно, должен был держать факел.

Он хмыкнул, покачал головой. В голосе прорезалась та особая интонация, с которой говорят о старых обидах, уже не причиняющих боли.

— В итоге конь сбросил меня в навоз. Прямо в свежий, Сильвана. Я лежал в темноте и слушал, как Диамант доскакал до самых ворот, будто принц из легенды. Стражники подняли тревогу, зажгли факелы. А он сидел в седле, весь такой величественный, и даже не смотрел в мою сторону. Потом, конечно, нас повязали. Меня высекли за кражу. А он пришёл ко мне в лазарет и сказал: «Ты не прошёл, но сражался достойно». Ему было десять. Десять, Сильвана.

Я засмеялась, откидывая голову, и на мгновение забыла, куда мы едем. Перед глазами встала картина: маленький Диамант с королевской осанкой и наглостью, от которой у взрослых опускались руки. От этой мысли стало тепло — будто я прикоснулась к чему-то, что принадлежало только ему. До меня. До всей той грязи, что между нами была.

— Он всегда был таким? — спросила я, всё ещё улыбаясь.

— Хуже, — ответил Роланд, и в его голосе звучала не злоба, а почти братская привязанность. — Гораздо хуже. Но именно поэтому за ним шли. Он не умел отступать. Даже когда был неправ. Особенно когда был неправ. В нём всегда было это… — он замялся, подбирая слово, и наконец произнёс с лёгкой усмешкой: — пламя. Такое, что либо греет, либо сжигает заживо. Третьего не дано.

Я молчала. Я знала это пламя слишком хорошо. Оно оставляло на мне следы. Я носила их на теле, как карту, по которой можно было прочесть всю историю моей гибели и воскрешения.

Ветер усилился, принёс запах дыма и машинного масла. Лагерь всё ещё прятался за холмами, но я уже чувствовала его — тяжёлый, гудящий, как паровой котёл перед взрывом. Где-то там был человек, ради которого я бросила всё. И у которого не было причин встречать меня с распростёртыми объятиями.

— Как думаешь, как он нас встретит? — спросила я, глядя вперёд.

Роланд повернул голову, и в его синих глазах блеснуло что-то похожее на веселье. Но только наполовину.

— Я же сказал: тебя изнасилует, а меня убьёт. — Он выдержал короткую паузу и добавил, почти нежно: — Хорошо, что не наоборот.

Я фыркнула, прикусив губу, но смех вырвался сам — нервный, лёгкий, как удар колокола в тишине. Ветер подхватил его и унёс в сторону лагеря, к палаткам и кострам, к человеку, который, возможно, уже знал о нашем приближении.

Страха не было. Он остался где-то в прошлом, среди сломанных зеркал и железных клейм. Вместо него в груди разгоралось иное — горячее, тёмное, как уголь в топке. Азарт. Предвкушение. Почти безумие. Я поймала себя на том, что улыбаюсь, глядя на серую линию горизонта. Улыбка была странная, чужая — будто принадлежала не мне, а той, кем я стала за эти месяцы. И от этого становилось ещё слаще.

— Ты не боишься, — сказал Роланд. Это не было вопросом.

— Нет, — ответила я. — И это пугает меня больше всего.

Он хмыкнул, но ничего не сказал. Лишь пришпорил коня, и мы поехали быстрее — навстречу дыму, железу и тому, кто умел сжигать заживо, не оставляя пепла.

2

Лагерь вынырнул из дыма, как зверь, ощетинившийся копьями и паровыми трубами. Сначала — лишь серая пелена, подсвеченная оранжевыми всполохами костров. Потом ветер на мгновение разорвал завесу, и перед нами раскинулся целый город: военный, грязный, живой. Палатки из промасленной кожи стояли ровными рядами, их тёмные бока блестели от влаги. Между ними вились проходы, утоптанные сотнями сапог до каменной твёрдости. Костры горели повсюду, выбрасывая в небо жирные клубы дыма, и в их неверном свете двигались фигуры солдат — кожаные доспехи с медными заклёпками, грубые шрамы, усталые глаза. Над лагерем развевались флаги с гербом рода Валентайн: змея, обвивающая меч. Пахло дымом, мужским потом, мокрой землёй и тем сладковато-химическим, что я научилась распознавать

за время войны, — паровые котлы, масло, раскалённый металл, озон от электрических разрядов.

Нас заметили сразу. Часовые выросли из-за баррикады, перекрывавшей дорогу, — трое, с короткими клинками наголо. Лица в тенях, но по тому, как они двигались, я поняла: напряжены до предела. Пальцы лежали на спусковых крючках паровых винтовок, и лёгкий пар, поднимавшийся от стволов, казался дыханием змей, готовых ужалить.

— Стоять! — рявкнул тот, что стоял впереди, и ствол уставился мне в грудь. — Назовитесь!

Роланд осадил коня и поднял руку, показывая, что безоружен. Ладонь открытая, но я знала: он может выхватить клинок быстрее, чем часовой успеет моргнуть.

— Лорд Роланд Вейл, телохранитель его величества. Со мной леди Сильвана. Мы к королю. Немедленно.

Часовой не опустил оружие. Медленно перевёл взгляд с Роланда на меня, и я увидела, как сузились его глаза. Узнавание пришло почти мгновенно — сначала сомнение, потом что-то тёмное, скользкое, как масляное пятно. Он разглядывал меня так, как разглядывают трофей — с жадностью, к которой примешивалось презрение.

— Рабыня короля, — произнёс он тихо, и это прозвучало не как обращение, а как приговор.

— Клеймёная, — шепнул кто-то за его спиной, и шёпот пополз дальше, как огонь по сухой траве.

Я не опустила глаз. Сидела в седле с прямой спиной, позволяя им смотреть. Пусть видят. Пусть шепчутся. Когда-то их слова могли сломать меня. Теперь — только разжигали тот самый огонь, что тлел в груди с самого утра.

— Пропустите, — повторил Роланд, и в его голосе прорезался металл. — Или ответите перед королём за то, что задержали его телохранителя и его женщину.

Последнее слово он выделил едва заметно, но я услышала. Часовой тоже. Он нехотя опустил винтовку и отступил в сторону, но взгляда не отвёл. Я чувствовала его спиной, когда мы проезжали мимо.

— Оружие оставьте при себе, — буркнул он. — Но если дёрнетесь — пристрелим обоих.

Роланд тронул коня, и мы въехали в лагерь. Вблизи он оказался ещё уродливее и величественнее одновременно. Повсюду громоздились бочки с порохом и маслом, ящики с боеприпасами, сломанные механизмы, ожидающие починки. Ржавые шестерни валялись прямо на земле, и на них наступали сапогами, даже не замечая. В воздухе висел низкий гул — где-то работали паровые насосы, качающие воду, и время от времени его перекрывал резкий лязг металла. Над всем этим висел смог — жирный, плотный, он оседал на языке горьким привкусом и щипал глаза.

Солдаты оборачивались нам вслед. Я ловила их взгляды — любопытные, брезгливые, завистливые. Кто-то откровенно разглядывал, кто-то спешил отвести глаза, будто я могла быть заразной. Я слышала обрывки шёпота, и каждое слово прилипало к коже, как сажа.

— Это она?..

— Да, та самая. Говорят, он её приковал к кровати на неделю.

— А клеймо у неё где? На бедре? На шее?

— Да какая разница. Король её по кругу пускал. Или она его.

— Она сама приехала? Совсем больная.

— Едет, как королева. Хотя по сути — шлюха с клеймом.

Я улыбнулась краем губ, но ничего не ответила. Пусть говорят. Их слова — лишь дым, а я давно перестала задыхаться. Впрочем, внутри что-то всё же сжалось — не от обиды, а от странного, тёмного удовольствия. Они боялись. Завидовали. Презирали. И всё это значило одно: я всё ещё имела над ними ту власть, которую даёт близость к королю.

Мы ехали через лагерь, и он казался бесконечным. Ряды палаток сменялись площадками с осадными орудиями — паровые катапульты, чьи металлические суставы блестели в свете костров, как кости доисторических чудовищ. Дальше — кузни, где работали молоты, выбивая искры из раскалённого железа. Звук был ритмичный, тяжёлый, и от него гудело в груди.

В центре лагеря, на небольшом возвышении, стоял шатёр Диаманта. Он больше походил на передвижной командный пункт, чем на королевскую резиденцию: огромный, из тёмной прорезиненной ткани, усиленный металлическими опорами, с вентиляционными трубами, из которых струился пар. Вокруг — гвардейцы в полной броне, с алебардами, увенчанными не только лезвиями, но и электрическими разрядами, потрескивавшими в сгущающихся сумерках. Над входом горел масляный фонарь в медной оправе, и его свет дрожал на ветру, как беспокойное сердце.

Роланд спешился первым, я последовала за ним. Ноги после долгой езды были ватными, но я не позволила себе пошатнуться. Спина прямая, подбородок приподнят. Я знала, что за нами наблюдают — гвардейцы, солдаты, офицеры, выглядывавшие из-за палаток. Знала и то, что каждое моё движение будет передано из уст в уста ещё до наступления ночи.

Нас снова остановили — уже у самого входа. На этот раз гвардеец узнал Роланда, коротко кивнул, но всё же скользнул по мне цепким взглядом.

— Оружие оставите здесь. И вы, и… она.

Роланд без слов отстегнул пояс с мечом. Я расстегнула ремешок на запястье, где прятался тонкий стилет, и положила его на поднос у входа. Гвардеец приподнял бровь, но промолчал. Его взгляд стал ещё более изучающим.

— Доложите королю, — приказал Роланд. — Скажите, прибыли. Скажите, что она здесь.

Сердце ударило в рёбра — сильно, жарко. Я сжала пальцы в кулаки, вонзая ногти в ладони, чтобы не выдать волнения. Нет, это не страх. Это предвкушение, острое, как лезвие, прижатое к коже.

Полог шатра откинули. Изнутри пахнуло теплом, маслом и чем-то ещё — едким, как озон перед грозой. И ещё — им. Диамантом. Этот запах я узнала бы из тысячи: сталь, кожа, вино, гвоздика, корица и лёгкий, почти неуловимый мускус, от которого у меня подкашивались колени ещё в Рокуэлле.

Нас впустили внутрь. Шатёр оказался таким, как я представляла, и одновременно — больше, чем могла вообразить. Внутри было светло от масляных светильников, развешанных на металлических шестах. Тёплый свет падал на грубый стол, заваленный картами, свитками и механическими чертежами. В углу жужжали шестерёнки передатчика, отбивая какой-то неслышный ритм, и от этого жужжания воздух казался наэлектризованным. Пол устилали грубые ковры, приглушавшие шаги. У стен стояли стойки с оружием, сундуки с печатями, механизмы, о назначении которых я могла только догадываться. Всё здесь дышало властью, порядком и чем-то мрачным, что всегда окружало Диаманта, как тень.

Я не сразу осмелилась поднять взгляд. Сначала увидела его тень на полотне шатра — длинную, искажённую, будто сам шатёр не мог удержать его целиком. Потом услышала голос. Низкий, спокойный, как гром за холмами.

— Ты всё-таки приехала.

И только тогда я подняла глаза. Диамант стоял у стола, небрежно опираясь на край, и смотрел на меня так, будто я была картой, на которой он уже выиграл одну войну и собирался начать другую. Без камзола, в одной рубашке, расстёгнутой у горла, — я видела, как под тканью ходят мышцы. Волосы распущены, на скулах — тени от светильников, в глазах — тьма, смешанная с пламенем. Он не двинулся с места. Просто смотрел. И в этом взгляде было всё: гнев, облегчение и голод. Я сглотнула, но не отвела глаз.

— Я всё же приехала, — сказала я тихо, но твёрдо. — И тебе придётся с этим смириться.

Он медленно улыбнулся. Улыбка вышла кривой, тёмной, как трещина в камне. Я видела, как дрогнул уголок его рта, как в глазах вспыхнуло что-то опасное — то самое пламя, о котором говорил Роланд.

— Ну, — протянул он, и голос прозвучал ниже, почти вкрадчиво, — наконец-то война стала интересной.

Диамант

1

Я не смотрел на неё. Стоял у стола, опираясь бедром о край, и разглядывал карту так, будто на ней были начертаны судьбы всего континента. Отчасти так и было. Но сейчас линии границ и расстановка фигурок интересовали меня куда меньше, чем собственная способность дышать ровно. Злость поднималась от солнечного сплетения — густая, горячая. Растекалась по венам, оседала на языке горечью, и мне стоило немалых усилий держать лицо неподвижным. Не показывать ничего. Ни ярости, ни облегчения, ни того липкого страха, который сжал горло при виде её — живой, невредимой, стоящей в моём шатре с таким видом, будто это она выиграла войну одним своим появлением.

Пальцы сами потянулись к пачке сигарет. Я достал её медленно, потянул время, собирая себя в кулак. Поднёс к губам. Пламя лизнуло кончик, и я затянулся, чувствуя, как дым обжигает лёгкие и притупляет остроту момента.

Роланд стоял в двух шагах от входа, прямой, с той особенной упрямой физиономией, которую я ненавидел с детства. Сильвана — чуть позади него. Я чувствовал её присутствие каждой клеткой, как чувствуют приближение грозы: воздух становился плотнее, искрил, цеплял за нервы. Её запах — пыль, дорога, разгорячённая кожа — пробивался даже сквозь табачный дым. И это бесило сильнее всего.

Я выпустил дым и заговорил, не глядя на неё. Только на Роланда.

— Какого чёрта тот, кого я оставил наместником, притащил сюда эту навязчивую суку?

Слова упали в тишину, как камни в колодец. Я услышал, как Сильвана резко втянула воздух. Услышал, как её пальцы сжались в кулаки — по едва уловимому шороху ткани. Но не повернулся. Не доставил ей этого удовольствия.

Роланд выдержал мой взгляд. В его глазах не было ни страха, ни раскаяния.

— Ты не спрашивал моего мнения, когда подсовывал мне эту ненавистную должность, — произнёс он ровно. — Значит, и я имею право поступать так, как мне вздумается.

Я медленно выдохнул дым, не сводя с него глаз.

— Наместником оставили Брестона, — добавил Роланд, и в его голосе впервые прорезалась тень усмешки.

Вот, значит, как. Брестон. Я мысленно произнёс это имя, пробуя на вкус, и почувствовал, как злость отступает на полшага, сменяясь досадой. Брестон — один из немногих, кому я доверял по-настоящему. Старый слуга, прямой, как клинок, и такой же несгибаемый. Он не станет сдавать город, не станет интриговать за моей спиной. Ладно. Уже легче.

— Брестон, — повторил я задумчиво, и в голосе зазвенел холод. — Значит, даже старый пёс не удержал поводок.

— Брестон — хороший наместник, — сказал Роланд. — А я не умею противостоять женщинам, которые решили ехать на войну.

Он осмелился улыбнуться. Я не ответил. Лишь затянулся глубже, позволяя дыму наполнить лёгкие до отказа.

Сильвана шагнула вперёд, открыла рот, чтобы что-то сказать, но я поднял руку — резко, не глядя в её сторону. Жест короткий, как удар. Она не сказала ни слова. Я чувствовал её взгляд на своей щеке, как прикосновение раскалённой иглы.

— Значит, ты привёз её сюда, — проговорил я, по-прежнему обращаясь только к Роланду. — Мимо патрулей. Мимо вражеских лазутчиков. И тебе даже в голову не пришло, что за это полагается?

— Пришло, — признал Роланд. — Но я решил, что лучше получить наказание от тебя, чем смотреть, как ты сходишь с ума в одиночку.

Я усмехнулся. Коротко, зло. Дым вился между нами, как недосказанное признание.

— А ты, значит, эксперт по моему безумию? — я сделал шаг вперёд, и полог шатра качнулся от сквозняка. — По моему гневу? По тому, что бывает с теми, кто ослушался?

Роланд не отступил. Это было достойно уважения — и невероятно раздражало.

— Я знаю, что ты можешь сделать с человеком, — ответил он. — Видел. Не раз. Но я также знаю, что ты никогда не наказывал того, кто приводил к тебе твою женщину. Особенно когда ты сам не мог перестать о ней думать.

Сильвана дёрнулась, будто хотела вмешаться, но я снова остановил её — теперь уже словом, не жестом.

— Молчи.

Она умолкла. Я наконец позволил себе повернуть голову и посмотреть на неё — короткий, хлёсткий взгляд, как пощёчина. Она стояла с горящими глазами, с приоткрытыми губами, и я видел, как в ней боролся стыд с гневом. Видел и то, как она сжимала бёдра, как дышала чаще, чем следовало бы. Даже сейчас. Особенно сейчас.

Я отвернулся. Подошёл к столу. Сбил пепел в бронзовую чашу.

— Ты хоть понимаешь, что привёз её в зону боевых действий? — спросил я глухо. — Что здесь не замок, не сад с фонтанами. Здесь смерть. И если её ранят…

Я осёкся. Не закончил. Потому что окончание этой фразы прозвучало бы признанием.

Роланд молчал. Сильвана тоже. Я чувствовал, как они оба смотрят на меня — он с пониманием, она с чем-то большим. От этого становилось только хуже.

— А что бывает с теми, кто тебя ослушался? — неожиданно спросила она, и её голос прозвучал тихо, но отчётливо. — Со мной. Что ты сделаешь со мной?

Я медленно повернулся. Она стояла, приподняв подбородок, и смотрела мне в глаза с той самой дерзостью, которую я не мог выбить из неё даже тогда, когда ломал её. И не хотел выбивать. В этом и была беда.

— А ты как думаешь? — спросил я, шагнув к ней. — Что я делаю с женщинами, которые ослушиваются меня? С женщинами, которые врываются туда, куда их не звали?

Она не отшатнулась. Наоборот — подалась вперёд, будто приглашая.

— Накажи меня, — прошептала она. — Я приехала за этим.

Я не двинулся. Внутри всё сжалось в тугой узел — злость, похоть, страх, облегчение. Она играла со мной. Играла так, как не смел играть никто. И хуже всего было то, что я позволял ей это.

— Ты понимаешь, что говоришь? — произнёс я тихо, почти у самого её лица.

— Понимаю.

— Здесь не спальня. Здесь мой лагерь. Мои люди.

— Я знаю.

— И ты хочешь, чтобы я наказал тебя при всех? Чтобы каждый солдат знал, что ты — моя шлюха, которую можно выпороть на глазах у всего войска?

Она не дрогнула.

— Я и так твоя шлюха. Все это знают. Так какая разница?

Я усмехнулся. Медленно, не отрывая от неё взгляда.

— Разница есть. И ты её узнаешь.

Я шагнул ещё ближе. Теперь между нами не было и ладони. Я чувствовал её дыхание — частое, тёплое. Чувствовал, как она дрожит — не от страха, от предвкушения. Она приехала. Она знала, на что шла. И она хотела этого так же сильно, как я.

— Хорошо, — сказал я, и голос прозвучал глухо, почти ласково. — Ты приехала за наказанием? Ты его получишь. Но не здесь. Не сейчас. Сначала — война. А потом — я. И тогда ты пожалеешь, что ослушалась.

Она смотрела на меня, не отводя глаз. В её взгляде не было ни капли страха. Только голод. Тот самый, который я в ней разжёг. Тот самый, который теперь пожирал нас обоих.

— Тогда, может, начнём? — прошептала она.

Я не ответил. Только улыбнулся. И от этой улыбки у неё перехватило дыхание. Я видел. И наслаждался.

Сильвана

1

Он смотрел на меня так, как смотрят на трофей, от которого пока не решили — избавиться или оставить на виду. В его глазах плясали отсветы масляных ламп, и я видела: он уже принял решение. И это решение мне не понравится.

Диамант холодно усмехнулся — одними губами, не разжимая челюстей — и сделал шаг назад, увеличивая расстояние между нами. Я почувствовала это как пощёчину. Будто он только что стоял вплотную, а теперь отстранился, чтобы лучше разглядеть мою реакцию.

— Боюсь, на этот раз наказание тебе не понравится, — произнёс он, и голос прозвучал ровно, почти скучающе.

Так он говорил, когда хотел унизить сильнее, чем криком. Когда хотел показать, что я для него — не угроза, не страсть, а всего лишь досадная помеха, от которой нужно избавиться с наименьшими потерями.

Он повернулся ко входу и коротко, не повышая голоса, окликнул:

— Лейтенант Айкен!

Полог шатра откинулся почти мгновенно, будто за ним всё это время стояли и ждали. Вошёл офицер — высокий, сутуловатый, с безликим лицом человека, привыкшего не задавать вопросов. Кожаный нагрудник скрипнул, когда он вытянулся по стойке, и этот звук резанул по нервам, как скрип несмазанной петли.

— Ваше Величество.

Диамант даже не взглянул на него, продолжая смотреть куда-то сквозь меня. Словно я уже перестала существовать, словно он вычеркнул меня из реальности одним движением.

— Проводишь леди Сильвану в отдельную палатку. Под охрану. Свобода передвижения — до линии кухни. Ни шагу дальше. Отвечаешь головой.

Каждое слово падало, как камень. Я слушала и чувствовала, как внутри поднимается знакомый, почти забытый гнев. Не тот, что кричит и ломает вещи. А тот, что застывает в груди ледяной коркой и заставляет улыбаться. Я не удержалась. Слова сорвались с языка раньше, чем я успела их обдумать.

— И шаг влево или вправо — попытка побега, а прыжок на месте рассматривается как попытка улететь?

Диамант медленно перевёл взгляд на меня. В уголках его губ дрогнуло что-то почти весёлое — крошечная трещинка в маске холода, — но тут же исчезло, как дым на ветру.

— Именно, — ответил он сухо. — Рад, что ты усвоила правила. Не рад, что пришлось повторять.

Он сделал паузу, и я почувствовала, как воздух в шатре становится плотнее, словно перед грозой.

— И раз уж Роланд оказался такой тряпкой, что повелся на уговоры хитрой маленькой сучки, — продолжил он, растягивая слова, как ядовитый мёд, — с этого момента он понижен до звания твоего сопровождающего.

Я услышала, как Роланд за моей спиной едва слышно выдохнул — не то сдержал смешок, не то скрипнул зубами. Но когда он заговорил, голос его был спокоен, лишь с лёгкой ленцой, будто весь этот разговор его забавлял не меньше, чем меня:

— Вообще-то я — твой телохранитель. И это, если мне не изменяет память, тоже твой приказ. Или уже нет?

Диамант повернулся к нему, и на его лице появилось выражение, которое я слишком хорошо знала: насмешка, смешанная с жестокостью, как вино с ядом.

— Телохранитель, — повторил он, будто пробуя слово на вкус. — Телохранитель защищает тело короля. А ты не уберёг даже собственное достоинство. Куда тебе до моего тела?

Он сделал шаг к Роланду, но смотрел при этом на меня. Это была игра на два фронта, и он вёл её безжалостно, как полководец, который знает, где фланг тоньше всего.

— Будешь нянчиться с ней. Следить, чтобы не сбежала, не порезалась, не натворила глупостей. В конце концов, — он склонил голову чуть набок, и в голосе прорезалась та особая, издевательская ласковость, — у тебя отлично выходит быть мальчиком на побегушках. Вспомни детство.

Роланд не ответил. Только поджал губы, и я увидела, как на его скулах заходили желваки. Он не злился. Он копил. Собирал каждое слово, как монету, чтобы однажды вернуть долг с процентами. Но вслух ничего не сказал — лишь коротко кивнул, будто принимая приказ. Я знала: он сделает это. Не потому, что сломлен. А потому, что понимает — сейчас любое слово было лишним шагом к краю.

Лейтенант Айкен кашлянул и повернулся к выходу, придерживая полог. Снаружи пахло холодом и дымом, и этот запах почему-то принёс с собой странное спокойствие.

— Прошу следовать за мной, — произнёс он безлично, как автомат, лишённый эмоций.

Я не двинулась сразу. Подняла голову выше, чем требовалось, и посмотрела Диаманту прямо в глаза. Он стоял у стола, расслабленный, как сытый хищник, и смотрел на меня с тем самым выражением, от которого у меня подкашивались колени и одновременно хотелось вцепиться ему в лицо. Я знала этот взгляд. Он означал, что игра началась. Что он снова будет испытывать меня на прочность, проверять, как далеко я готова зайти. И как долго смогу не сломаться.

— Я буду ждать в палатке, — сказала я тихо, но так, чтобы каждое слово отпечаталось. — На случай, если захочешь продолжить разговор.

Диамант усмехнулся. Медленно, лениво, как человек, который уже выиграл.

— В палатке, — повторил он, и голос опустился до интимного, оскорбительного шёпота. — Надеюсь, ты не ждёшь, что я приду читать тебе сказки на ночь. Или, может, любишь, когда тебя трахают под солдатские песни?

Я почувствовала, как щёки вспыхнули. Горячая волна поднялась от шеи к вискам, и на мгновение я возненавидела себя за это. За то, что его слова всё ещё имели надо мной власть. За то, что при мысли о нём в моей палатке сердце пропускало удар. За то, что где-то глубоко внутри я действительно этого хотела. Но я не позволила себе отвести взгляд. Демонстративно пожала плечами, насколько хватало самообладания, и произнесла с наигранной небрежностью:

— Я слышала, у тебя красивый голос. Но и солдатские песни сойдут.

Внутри всё дрожало. Каждая жила звенела, как натянутая тетива. Я надеялась, что он не видел, как сильно я хотела, чтобы он пришёл. Не ради слов. Ради чего угодно. Ради его злости, его холода, его рук — чего угодно, лишь бы остаться в этой опасной близости ещё немного.

Он ничего не ответил. Только смотрел, как я поворачиваюсь и выхожу из шатра вслед за офицером. Я шла с прямой спиной, хотя чувствовала его взгляд на затылке, на шее, на бёдрах.

Этот взгляд был почти физическим — горячий, цепкий, требовательный. И я знала, что ночь ещё не закончилась.

Снаружи было темно, но костры разгоняли мрак, отбрасывая на палатки дрожащие тени. Лагерь жил своей угрюмой жизнью: где-то бряцало оружие, кто-то пел вполголоса, пахло горелым маслом и близким дождём. Земля под ногами была твёрдая, истоптанная сотнями сапог, и я старалась ступать по ней так, будто у меня есть право здесь находиться.

Роланд шёл рядом, чуть позади, и я чувствовала его молчаливое присутствие, как опору. Мы не говорили. Всё уже было сказано — или ещё ждало своего часа. И от этого было сладко и страшно одновременно. Сладко — потому что я знала, зачем вернулась. Страшно — потому что Диамант тоже это знал. И он не простит мне этого. Но именно на это я и надеялась.

2

Палатка оказалась меньше, чем я ожидала, но неожиданно уютной: походная кровать с грубым шерстяным одеялом, низкий столик, пара складных стульев и жаровня, от которой тянулось ровное, почти домашнее тепло. Пол устилал плетёный коврик, стены из промасленной ткани чуть подрагивали от ветра, и от этого всё вокруг казалось зыбким, ненастоящим. Пахло кожей, дымом и чем-то терпким — не то сушёными травами, не то старым воском, въевшимся в ткань.

Роланд осмотрелся первым, по-хозяйски, как человек, привыкший ночевать и в худших местах. Потом снял перевязь, бросил её на стул и повернулся ко мне с лёгкой усмешкой.

— А я, признаться, опасался более жёсткой реакции.

Я фыркнула, усаживаясь на край кровати. Пружины скрипнули.

— Куда уж хуже, — пробормотала я, расстёгивая дорожный плащ. — Он большую часть разговора меня игнорировал. Будто меня не существует. Будто я — пустое место, явившееся без приглашения.

Роланд хмыкнул и, привалившись плечом к деревянной опоре палатки, скрестил руки на груди. Он был спокоен, как человек, который уже успел пережить худшее и теперь наблюдал за чужим хаосом с ленцой зрителя в дешёвом театре.

— И поэтому ты злишься? — уточнил он. — Что он не кричал? Не угрожал? Не схватил за горло?

Я молчала, потому что отвечать не хотелось. Потому что правда была слишком неудобной, слишком липкой, чтобы произносить её вслух. Он прищурился, и в его глазах блеснуло то самое весёлое, мальчишеское, что иногда прорывалось сквозь военную броню.

— Или ты разочарована тем, что он не сделал того, о чём мы шутили по дороге? — спросил он со смехом, но мягко, без пошлости. — Что не изнасиловал тебя прямо там, у стола?

Я почувствовала, как вспыхнули щёки. Горячая волна поднялась от груди к вискам, и на мгновение стало душно. Я открыла рот, чтобы возразить, но слова застряли где-то в горле, и только пальцы сами собой вцепились в край одеяла. Потому что где-то глубоко внутри, под слоем оскорблённой гордости, я действительно чувствовала разочарование. Не то чтобы я хотела боли. Нет. Я хотела, чтобы он прикоснулся ко мне. Хоть как-то. Пусть грубо, пусть зло, пусть наказывая. Но он не сделал ничего. И это было хуже удара.

— Ты краснеешь, — заметил Роланд, и улыбка его стала шире, но осталась доброй, почти братской. — Значит, я прав.

— Ещё не вечер, — буркнула я, отводя взгляд.

— Именно, — сказал он. — Ещё не вечер.

Я встала, прошла по тесной палатке, обхватила себя руками. Ткань под пальцами была грубая, но приятная на ощупь, и я провела по ней ладонью, будто искала в этом грубом материале хоть какую-то опору.

— Дело не только в сексе, — произнесла я тихо, почти против воли. — Ты не понимаешь. Мне нужен он. Весь. Телом. Душой. Или что там у него вместо души.

Роланд замолчал. Я слышала, как он дышал, как потрескивали угли в жаровне, как где-то снаружи перекликались солдаты и звякало оружие. Тишина между нами была плотная, как туман, и в ней тонули все недосказанные слова.

— Знаю, — ответил он наконец, и голос прозвучал без обычной насмешки. — И это самое страшное.

Я повернулась к нему, но он не смотрел на меня. Глядел куда-то в сторону, и в его лице было что-то, чего я раньше не замечала: тревога. Или грусть. Или усталость, скрытая за шутками и ленивыми усмешками.

— Ты правда думаешь, что я обречена? — спросила я.

Он перевёл на меня взгляд и улыбнулся — тепло, но печально.

— Я думаю, что ты уже выбрала. И он это знает. И, судя по всему, ты ему ещё не наскучила. Вот только… — он замялся, подбирая слово, — с ним никогда не бывает просто. Ты же понимаешь, что он сожрёт тебя.

— Может, мне это и нравится, — ответила я, и сама не узнала свой голос. Он звучал слишком спокойно, слишком обречённо, как у человека, который давно перестал спорить с собственной тенью.

Роланд покачал головой, но ничего не сказал.

Вскоре нам принесли еду. Молоденький солдат, совсем мальчишка, с испуганным лицом и красными от холода руками, поставил поднос на столик и исчез, даже не подняв глаз. Я не винила его. Одно моё имя здесь было сродни проклятию.

Ужин был простой, но сытный: тушёное мясо с корнеплодами, свежий хлеб, кувшин разбавленного вина. Пахло так, что у меня засосало под ложечкой, и только теперь я поняла, насколько голодна. Мы ели молча, но это не было тягостное молчание, а почти мирное. Война была где-то за стенами палатки, а здесь, в тесноте и тепле, на короткое время можно было притвориться, что всё не так уж плохо.

— Знаешь, — сказал Роланд, отламывая кусок хлеба, — а из тебя вышел бы отличный солдат. Ешь, как после осады.

— Насмехаешься? — я подняла бровь, не переставая жевать.

— Ничуть. Мне нравится, когда у женщины хороший аппетит. Меньше проблем с нервами.

— У меня проблемы не с нервами, а с королём, — буркнула я.

— Ну, с этим не ко мне, — Роланд усмехнулся и плеснул мне вина в кружку. — Тут уж сама. Я по королевским проблемам не специалист.

Я фыркнула, но кружку взяла. Вино было кисловатое, чуть терпкое, и согревало изнутри не хуже углей. Мы смеялись — легко, искренне, как будто между нами не было ни войны, ни Диаманта, ни всего того тёмного, что привело меня сюда. Но смех быстро стих, оставив после себя горьковатый осадок.

После ужина мы вышли наружу. Вечер окончательно вступил в свои права: костры горели ярче, вокруг них сидели солдаты, кто-то чинил сапоги, кто-то точил клинки, кто-то просто смотрел в огонь с пустым лицом человека, который давно разучился удивляться. Пахло дымом, железом и сыростью, а небо над лагерем было низкое, тёмное, будто придавленное смогом. Где-то вдалеке работали паровые котлы, и их гул сливался с голосами и бряцанием стали, создавая ту особую, тревожную музыку войны, от которой не спрятаться.

Мы с Роландом медленно шли вдоль рядов палаток. Он что-то рассказывал — кажется, о том, как однажды проспорил и чистил конюшню королевским нагрудником, — но я слушала вполуха. Внутри росло странное напряжение, будто воздух перед грозой становился слишком плотным. Я знала это чувство. Оно всегда появлялось, когда где-то рядом был он.

И в этот момент я заметила движение у шатра Диаманта.

Полог откинулся, и наружу вышел он сам — расслабленный, в расстёгнутой рубашке, длинные волосы развевались на ветру. А рядом, прижимаясь к его плечу, шла девица. Светлые волосы растрёпаны, платье измято, губы растянуты в той особой улыбке, какая бывает у женщин, только что вышедших из королевской постели.

Воздух застрял в груди, а перед глазами на мгновение потемнело.

— Этот мерзавец, — прошипела я, чувствуя, как внутри всё вскипает. — Умудрился и здесь кого-то подцепить.

Роланд проследил за моим взглядом и лениво усмехнулся.

— Ну, — протянул он, — как другие люди питаются пищей, Диамант питается сексом. Это его натура. Ты же знала, на что шла.

— Знала, — процедила я, не отрывая глаз от этой парочки. — Но это не значит, что мне должно нравиться.

Девица что-то шепнула Диаманту, и он усмехнулся, наклонился к ней, будто отвечая на ухо. Она засмеялась, прикрыв рот ладонью. У меня внутри всё перевернулось. Гнев был острым, почти физическим, и я сжала кулаки. Я ненавидела её. Ненавидела его. И больше всего ненавидела себя за то, что стояла и смотрела, не в силах отвести взгляд.

— Может, вернёмся в палатку? — предложил Роланд, и в голосе прозвучало скорее сочувствие, чем насмешка.

— Нет, — отрезала я. — Хочу посмотреть, как далеко он готов зайти.

— Ты сама себя мучаешь.

— Знаю.

Диамант, будто почувствовав мой взгляд, поднял голову и посмотрел в нашу сторону. Наши глаза встретились. На мгновение — всего лишь, но этого хватило. Он улыбнулся — медленно, торжествующе, будто знал, что я стою и смотрю, и наслаждался этим. Потом положил ладонь на талию девицы и снова увёл её в палатку.

Я стояла, не в силах пошевелиться. Гнев душил. Но хуже гнева было другое — то самое тёмное, извращённое чувство, от которого становилось стыдно перед самой собой. Я ревновала. И это означало, что он всё ещё имел надо мной власть. Всю.

Диамант

1

Шатёр тонул в полумраке. Масляные лампы горели вполсилы, и их свет был тусклым, дымным. Я лежал на кровати, закинув руку за голову, и смотрел в полог над собой — туда, где дрожали тени от пламени. Простыни сбились, пахло потом, дешёвыми духами и чем-то сладковатым, от чего уже начинало мутить.

Рядом, привалившись к моему боку, ворочалась блондинка. Имя её я, как обычно, не помнил. Кажется, начиналось на «Л» или «М». А может, на «С». Всё это не имело значения. Невеста какого-то барона, который имел глупость привезти её в лагерь, а ещё большую — оставить без присмотра. Впрочем, «без присмотра» — неточное слово. Она сама пришла. Сама подняла полог. Сама опустилась на колени раньше, чем я успел решить, хочу ли я её вообще. И стоило мне лишь намекнуть на интерес — её целомудрие рассыпалось, точно карточный домик.

Скучно. До тошноты, до зубного скрежета. Она шевелилась, проводила пальцами по моей груди, и я позволял — без удовольствия, скорее из ленивого любопытства. Кожа тёплая, духи дешёвые, ласка заученная, как у провинциальной актрисы, повторяющей одну и ту же роль из года в год. Она старалась. Пожалуй, даже слишком. И от этого её старания были ещё более жалкими.

— Ваше Величество, — проворковала она, и её губы скользнули по моему плечу, — о чём вы думаете?

— О войне, — ответил я, не глядя на неё.

— О войне? — она приподнялась на локте, изображая обиду. — А разве я недостаточно отвлекаю вас?

Я покосился на неё. Хорошенькая. Свежая. Испорченная в достаточной степени, чтобы не изображать недотрогу. И всё же — пустая. Как бокал, из которого выпили слишком быстро и забыли наполнить. Её тело было красивым, упругим, податливым, но в нём не было ни огня, ни вызова, ни той искры, что заставляет мужчину терять рассудок. Ни того, что есть в другой.

— Ты отвлекла, — произнёс я ровно. — Но теперь мне скучно.

Она обиженно поджала губы, но не осмелилась спорить. И правильно. Барон получит её обратно. Возможно, чуть более опытной, чем она была этим утром. Возможно, с парой синяков на бёдрах и сломанным представлением о собственной невинности. Но это была его забота. Я своё дело сделал.

Я снова уставился в полог. Мысли, не спрашивая разрешения, вернулись к Сильване. Она стояла у входа с горящими глазами и дерзкой улыбкой, будто не боялась меня. Будто имела право. И это бесило. И заводило. И тянуло туда, куда я не собирался идти.

«Жду тебя в палатке». Как она это сказала? Тихо, но твёрдо. Так, будто не просила, а обещала. И где-то глубоко, под слоем злости и цинизма, мне хотелось пойти. Хотелось сорвать с неё эту дурацкую маску невозмутимости, вдавить её в жёсткую походную кровать и напомнить, кто из нас двоих устанавливает правила. Напомнить так, чтобы она забыла собственное имя. Чтобы её губы шептали не дерзости, а моё имя — с мольбой, с хрипом, с той обречённой страстью, которую ни одна другая не умеет подарить.

Но я не пойду. Потому что стоит мне переступить порог её палатки — и она выиграет. Она поймёт, что нужна мне. Что я не смог продержаться и одной ночи. А я не намерен позволять ей этого. Пусть сама приходит. Пусть ползает. Пусть кусает губы от злости и бессилия, глядя на мою палатку. Пусть задыхается от ревности, которую я сам ей подкинул, как голодной собаке — кость.

А она придёт. Я видел, как она смотрела на меня, когда я выходил с этой блондинкой. Видел её лицо, вспыхнувшее от ярости. Видел, как сжались кулаки, как задрожали ресницы, как приоткрылись губы. Она бесилась. И оттого, что она бесилась, мне было почти хорошо.

Я усмехнулся в темноту. Ревность — отличное топливо. Она сжигает остатки гордости быстрее, чем любое наказание. И теперь Сильвана была в ловушке, которую сама себе выкопала. Осталось лишь подождать, когда она созреет, как перезревший плод, и сама упадёт мне в руки.

— Вы улыбаетесь, — заметила блондинка, и в голосе её была робкая надежда. — Значит, я не так уж плоха?

— Ты безупречна, — солгал я. — А теперь будь добра, найди свой плащ.

Она задержала дыхание. Я чувствовал, как напряглось её тело — она всё ещё лежала рядом, тёплая, разомлевшая, не веря, что её выставляют.

— Вы… выгоняете меня?

— Возвращаю жениху, — поправил я с ленцой. — В целости. Почти.

Она села, придерживая сбившуюся простыню, и в глазах блеснуло что-то среднее между обидой и паникой. Я смотрел, как она поднимается, как тянется за платьем, как лихорадочно застёгивает крючки, и не чувствовал ничего. Даже лёгкого сожаления. Её бёдра всё ещё были мокрые, на шее алел след от моего укуса, но она уже перестала существовать для меня.

— Вы… вы ещё позовёте меня? — спросила она у самого выхода, обернувшись.

— Если вспомню твоё имя, — бросил я, не поворачивая головы.

— Меня зовут Линора, — пробормотала она.

Точно. Значит, на «Л». Очень важная информация. Настолько, что я через секунду выкинул её из головы.

Она ушла. Полог опустился, впустив в шатёр струю холодного ночного воздуха. И с ним — запах костров, сырой земли и отдалённый лязг оружия. Я остался один.

В тишине было слышно, как гудит лагерь, как потрескивают лампы, как где-то далеко перекликаются караулы. Я потянулся к сигарете. Закурил. Выпустил дым, глядя на вход. И стал ждать. Не её. Конечно, не её. Просто ждать. Утро, нападения Зигфрида, чего угодно. Но тишина казалась мне не союзницей, а пыткой. И я ненавидел её за это. И себя. И ту, что где-то в глубине лагеря, в тесной палатке, наверняка сейчас мерила шагами пол и кипела от злости.

Я представил, как она там: ходит из угла в угол, сжимая кулаки, ругаясь сквозь зубы. Как смотрит на полог, ожидая, что он вот-вот откинется. Как проклинает меня — и хочет ещё сильнее. И от этой мысли внизу живота снова стало горячо. Несмотря на блондинку. Вопреки ей.

Я затянулся глубже, позволяя дыму обжечь лёгкие. Пусть злится. Пусть ревнует. Пусть до крови искусает губы, глядя на мою палатку. А я подожду. И когда она всё-таки придёт — а она придёт, всегда приходила — я посмотрю на неё сверху вниз и спрошу, медленно, растягивая слова:

— Ну что, соскучилась?

И она соврёт. И я заставлю её сказать правду. Прямо там, на коленях, у входа. А пока — тишина. Сигарета. И тьма, которая пахнет ею.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.